

К.М. Станюкович

Матроска

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С75

Станюкович К.М.

С75 Матроска / К.М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-2170-8

Морские рассказы Станюковича проникнуты волнующей романтикой моря как символа борьбы и свободы, красоты и смелости; в то же время они глубоко лиричны в своей любви к безграничным российским просторам. Недаром современники называли его Айвазовским слова.

ISBN 978-5-4241-2170-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.М. Станюкович, 2021

Константин Михайлович
Станюкович
Матроска

I

Жадно, бывало, заглядывались матросы, возвращаясь небольшими кучками с работ в военной гавани, на молодую, пригожую и свежую, как внешнее утро, жену рулевого Кислицына, Груню.

При встречах с нею почти у каждого из них точно светлело на душе, радостней билось сердце, и невольная ласковая улыбка озаряла лицо.

И когда она, степенная, сосредоточенная и серьезная, проходила мимо, не удостоив никого даже взглядом, многие с чувством обиды и в то же время восхищения смотрели вслед на крепкую и гибкую, хорошо сложенную маленькую фигурку матроски, которая быстро шагала, слегка повиливая бедрами.

И нередко кто-нибудь восторженно замечал:

— И что за славная эта Груня!

— Д-да, братец ты мой, баба! — сочувственно протягивал другой. — Но только ее не облестишь... Ни боже ни! — не то с досадой, не то с почтением прибавлял матрос... — Матроска правильная... честная... Не похожа на наших кронштадтских... Она кому угодно в ухо съездит.

— Прощлым летом одного лейтенанта так угостила, что морду-то у его ажно вздуло! — со смехом проговорил кто-то.

— За что это она?

— А вздумал, значит, лейтенант ее под микитки... Черт!

— Вот так ловко! Ай да молодца Грунька! — раздавались одобрительные восклицания.

Действительно, в Груне было что-то особенно привлекательное.

Даже кронштадтские писаря, подшкиперы и баталеры, любители и поклонники главным образом адмиральских няnek и горничных, понимающих деликатное обращение и щеголявших в шляпках и кринолинах, — и те не оставались к ней презрительно равнодушны. Победоносно закручивая усы, пялили они глаза на эту бедно одетую матроску с приподнятым подолом затасканной юбки, открывавшим ноги, обутые в грубые высокие сапоги, в старом шерстяном платке на голове, из-под которого выбивались на белый лоб прядки светло-русых волнистых волос.

Но все как-то необыкновенно ловко сидело на Груне. В щепетильной опрятности ее бедного костюма чувствовалась инстинктивная кокетливость женщины, сознающей свою красоту.

При виде хорошенькой матроски, господа “чиновники”, как зовут матросы писарей и разных нестроевых унтер-офицеров, отпускали ей комплименты и, шествуя за ней, громко выражали мнение, что такой, можно сказать, Красавине по-настоящему следовало бы ходить в шляпке и бурнусе, а не то что чумичкой... Только пожелай...

— Как вы полагаете, мадам? Вы кто такие будете: мадам или мамзель?

— Не угодно ли зайти в трактир?... Мы вас угостим... Любите мадеру?

Вместо ответа матроска показывала кулак, и господа “чиновники”, несколько шокированные таким грубым ответом, пускали ей вслед:

— Экая мужичка необразованная... Как есть деревня!

Не оставляли Груню своим благосклонным вниманием, случалось, и молодые

мичмана.

Запуская на матроску “глазенапы”, они при удобном случае преследовали ее и спрашивали, где живет такая хорошенькая бабенка? Чем она занимается? Можно бы ей приискать хорошее место. Отличное! Например, не хочет ли она поступить к ним в экономки?.. Их всего трое...

— Что ты на это скажешь, красавица?

— Тебя как зовут?.. Куда ты идешь?

— Прелесть какая ты хорошенькая!.. Без шуток, поступай к нам в экономки... хоть сегодня... сейчас... И кто из нас тебе понравится, тот может тебя целовать сколько угодно... Согласна?

— Да ты что же, немая, что ли?

Матроска делала вид, что ничего не слышит, и прибавляла шаг. И только ее белое красивое лицо, с прямым, слегка приподнятым носом, высоким лбом и строго сжатыми губами, алело от приливавшего румянца, и порой в ее серых строгих глазах мелькала улыбка.

Ей втайне было приятно, что на нее, простую бедную матроску, обращают внимание даже и господа.

Обыкновенно Груня не отвечала ни на какие вопросы и предложения уличных ухаживателей.

“Пускай себе брешут, ровно собака на ветер!” — думала она и, не поворачивая головы, шла себе своей дорогой. Но если уж к ней очень приставали, она внезапно останавливалась и, прямо и смело глядя в глаза обидчикам, строго и властно, с какою-то подкупающею искренностью простоты, говорила своим резким, низким голосом:

— Да отвяжитесь, бесстыдники! Ведь я мужняя законная жена!

И, невольно смущенные этим открытым, честным взглядом, полным негодования, бесстыдники поворачивали оглобли, рискуя в противном случае познакомиться с самыми отборными и язвительными ругательствами, а то и с силой руки недоступной матроски.

Через год после того, как Груня приехала из деревни к мужу в Кронштадт, уже все искатели уличных приключений знали тщету своих ухаживаний и оставили матроску в покое.

II

В это майское погожее утро Груня возвращалась домой с узлом грязного белья, только что взятого ею от одной барыни, на семью которой она постоянно стирала. Узел был большой, а дорога — не близкая. Несколькo утомившаяся после быстрой ходьбы, матроска свернула в глухой переулок и остановилась передохнуть. Опустив узел наземь, она помахала вытянутой затекшей рукой и затем стала оправлять сбившийся на голове платок, как к ней совсем неожиданно приблизился, семеня ногами и стараясь выпятить грудь колесом, старый, высокий и худой адмирал.

Это был адмирал Гвоздев, свершавший обычную свою утреннюю прогулку, известный под кличкой “генерал-арестант”. Так звали его и матросы и офицеры за его жестокое обращение с людьми, обращавшее на себя внимание даже и в те жестокие времена. Кроме жестокости, Гвоздев был известен и своим развратом, и об его неразборчивых уличных похождениях, об его часто меняющихся экономаках ходило в Кронштадте много анекдотов. Он был вдовец, и никто из детей не жил с ним. Все разбежались.

Пораженный красотой матроски, адмирал как-то значительно крикнул и, озираясь по сторонам, спросил:

— Ты, милая, кто такая?

— Матроска, ваше превосходительство! — строго отвечала Груня, поднимая узел.

— Г-гм... матроска? Прехорошенькая ты матроска. Как тебя звать?

— Аграфеной люди зовут, — еще строже промолвила Груня.

— Ты что же это с узлом? Белье стираешь, что ли?

— Точно так...

— А какого экипажа твой муж?

— Двенадцатого...

— Моей, значит, дивизии... Ты приходи-ка, Груня, к своему начальнику... Знаешь, где адмирал Гвоздев живет? Тебе всякий покажет. Ты будешь стирать мое белье. Так приходи сегодня же... слышишь?.. Останешься довольна, красавица! — продолжал старик, многозначительно понижая голос. — Да ты что буквой смотришь? Сробела, что ли? Ишь ведь какая ты вся беляночка!.. Какие у плутовки свежие щечки... А шея просто сливочная!

И, впившись жадным, похотливым взглядом своих замаслившихся маленьких темных глаз, которые на своем веку видели немало запоротых людей, на крепкую высокую грудь матроски, поднимавшуюся под тонким ситцем платья, адмирал протянул свою старческую, костлявую и сморщенную руку и длинными вздрагивающими пальцами ухватил за подбородок матроски.

Резким движением Груня отдернула голову и гневно проговорила:

— Рукам воли не давай, ваше превосходительство!

И с этими словами двинулась.

Адмирал понял это как хитрый маневр лукавой бабенки и, стараясь нагнать матроску, говорил:

— Ишь какая сердитая... скажи пожалуйста... Да ты постой, не уходи, глупая... Слышишь, остановись... Что я тебе скажу...

И матроска вдруг остановилась, полная какой-то внезапно охватившей ее решимости. Остановилась и глядела адмиралу прямо в глаза.

Должно быть, старик не обратил внимания на выражение ее лица, потому что, обрадованный, взволнованно шептал ей:

— Ты будь поласковее, глупая матроска!.. Ты мне очень понравилась, слышишь?.. Я и твою судьбу устрою и твоего мужа не забуду... Поступай ко мне в прачки!.. У меня будешь жить... И стирать не заставлю... Понимаешь... Одну тебя как кралою... и награжу... Согласна?

Адмирал почти не сомневался, что столь блестящие для матроски предложения будут приняты.

Но вместо согласия Аграфена гордо приподняла голову и негодующе проговорила вздрагивающим от волнения голосом:

— Тебе бы богу молиться, тиранство свое над людьми замаливать, а не за бабами бегать!.. Песок сыплется, а он на грех облещать... Стыда в тебе нет, старый пес... Тьфу!

Она плюнула и, бросив на адмирала уничтожающий, полный ненависти и презрения взгляд, пошла прочь.

На мгновение старый адмирал ошалел — до того неожиданны были для него дерзкие речи. Сообразив, наконец, их значение, он побагровел и, сжимая кулаки, задыхающимся голосом прохрипел обычный свой окрик, разрешавший все его недоразумения:

— Запорю!

Но, поняв в ту же минуту, что запорить эту матроску никак нельзя, он в бессильной ярости выругал ее площадными словами и тихо поплелся назад, как-то беспомощно и растерянно поводя губами своего беззубого рта, распаленный еще более презрительным отказом этой красивой матроски.

— Ишь ведь подлый! — повторяла взволнованная, негодующая Аграфена.

Она первый раз встретила того самого генерал-арестанта, о котором не раз слышала от мужа, знала, какую ненависть возбуждает этот начальник, и рада была, что проучила “старого пса”.

“Пусть, мол, от матроски услышал то, чего никто ему, злодею, не скажет!”

Аграфена завернула наконец в небольшой глухой Дунькин переулок, направляясь к ветхому деревянному домику, в котором квартировала, как в нескольких шагах от дома увидела откуда-то появившегося и шедшего ей навстречу, поскрипывая сапогами, молодого, пригожего и щеголеватого писаря в новеньком сюртучке, в фуражке набекрень, с бронзовой цепочкой у борта и с перстеньком на руке.

Давно уже заметила матроска этого писарька, юного, почти мальчика, черноглазого, с румянными щеками и небольшими усиками, который в последнее время что-то очень часто встречался с ней. То он появлялся на улице непременно в то время, когда она шла, и следовал за ней на почтительном расстоянии, то вдруг, обжевав улицу, шел навстречу, потупляя при приближении глаза. То он поджидал ее, притаившись где-нибудь у ворот, и робко и восторженно, совсем не так, как другие, провожал ее восхищенными глазами. Когда случалось перехватывать строгий взгляд матроски, хорошенький писарек смущенно, словно виноватый, опускал глаза и так же быстро исчезал, как и появлялся.

Груня, разумеется, понимала, что эти частые встречи не случайны, и не сер-

дилась. Порой даже, завидя писарька, усмехалась про себя, польщенная и несколько удивленная таким упорным и деликатным ухаживанием. Этот черно-волосый, кудрявый паренек казался ей тихим и робким, ровно овца. Ни разу не позволил он себе какого-нибудь охальства. Слова не вымолвил, взгляда дерзкого не кинул... Только глаза пялит.

“Пусть, глупый, шляется, коли хочет. Не гнать же его с улицы... Да и за что?” — не раз думала про себя Груня и только боялась, жалея писарька, как бы муж не поймал его около дома и, обозленный, в пылу ревности, не прибил бы. С него это станет. Бывали дела. Страх какой он ревнивый!

И теперь, бросив на писарька едва заметный быстрый взгляд, она увидела его робкое, грустное лицо. С самым серьезным видом, не обращая на него ни малейшего внимания, молодая женщина прошла мимо и невольно покраснела, чувствуя на себе горячий, ласкающий взгляд писарька.

— И впрямь дурень! — весело шепнула она, скрываясь в воротах.

А писарек из кантонистов, Васька Антонов, известный среди кронштадтских горничных как неотразимый сердцеед, победоносно закрутил свои усики и, принимая свой обычный веселый, несколько хлыщеватый вид, весело зашагал по улице, полный уверенности, что в конце концов, играя в любовь, он победит неприступную матроску. Только муж скорей ушел бы в море, а уж он сумеет “оболванить” эту строгую деревенщину. Тоже фордыбачится... Воображает, что если мужнина жена, так уж к ней и не подступись!

— И не таких оболванивал! — самоуверенно вымолвил хорошенький писарек и оскалил крепкие белые зубы, вспоминая свои многочисленные победы, стяжавшие ему кличку “подлеца Васьки”.

III

Весь день Аграфена стирала белье на дворе, близ крыльца, с ожесточенным усердием женщины, привыкшей к работе и любящей работу. Мысли ее заняты были бельем и разными домашними делами. “Писаренок”, как называла она своего робкого поклонника, промелькнул раз-другой в ее голове, возбуждая в матроске чувства жалости и опасения, как бы муж не увидел дурака мальчишку, если он поведется шататься около дома. Надо сказать, чтобы он не шатался, этот писарек... Нечего-то дурить ему!

В полдень она сделала передышку, чтобы пообедать тюрькой и куском вчерашнего мяса, и снова принялась за работу.

Убравшись с бельем, она сбежала в лавочку за колбасой и ситником, поставила самовар, собрала на стол и в ожидании мужа, усталая, присела на стул в своей небольшой комнате, которую они нанимали у старой вдовы-матроски, торговавшей на рынке.

Эта низенькая комната с русской печью, покосившимися углами и двумя окнами почти в уровень с немощным переулком, поражала своею чистотой. Видно было, что хозяйка привыкла к опрятной домовитости и порядку и заботилась о том, чтобы придать своему скромному жилью уютный вид.

Ситцевый чистый полог разделял комнату на две части. В одной был небольшой стол, покрытый цветным столешником, несколько стульев, шкафчик с посудой, гладильная доска и корзина с просушенным бельем. За пологом главное место занимала большая двухспальная со взбитой периной кровать, прикрытая разноцветным ватным одеялом, с горкою подушек в свежих наволочках. Большой красный сундук с бельем и платьем, запертый висячим замком, дополнял убранство спальни. Прямо против кровати, в переднем углу, была устроена божница с несколькими образами, суровые лики которых выдавали старообрядческое письмо. Перед образами теплилась лампада и стоял ряд тонких свечей желтого воска, которые зажигались по праздникам.

Покатый пол, сиявший белизной своих выскобленных и чисто вымытых досок, украшался “дорожкой” из черной смолистой пахучей пеньки. Самодельные ситцевые шторы закрывали окна от любопытных глаз, и на подоконниках красовались горшки с цветами, преимущественно геранью. А на выбеленных стенах висело несколько лубочных картин духовного содержания и — между ними — большая раскрашенная литография, изображающая грешников в аду.

В начале седьмого часа пришел Григорий, вспотевший, красный и усталый после целого дня работы в гавани, на бриге “Вихрь”, на котором Кислицын был рулевым. От него сильно пахло смолой. Его пропитаны были и его широкие жилистые руки, и его рабочая, когда-то белая парусинная голландка, и штаны.

Он был совсем невзрачен, этот приземистый, широкоплечий, совсем бело-брысый человек лет тридцати, с рябоватым лицом, опущенным светлыми баками, маленьким широким носом и толстыми губами, прикрытыми жесткими рыжими усами. Вместо бровей у него были припухлые красные дуги. Ноги были слегка изогнуты.

Но и в выражении голубых серьезных глаз и скуластого круглого лица, и во всей фигуре матроса было что-то располагающее, внушающее к себе доверие,

что-то сильное и вместе с тем скромное. Чувствовалось, что это — человек честный и стойкий.

Глаза его радостно сверкнули при виде жены. В этом взгляде ясно светилась бесконечная любовь.

— Здорово, Груня! — ласково, почти нежно проговорил матрос.

— Здравствуй, Григорий!

Голос матроски звучал приветливо, но не радостно. Спокойный взгляд, которым она встретила мужа, не был взглядом любящей женщины.

Григорий пошел в сени мыться, затем переоделся и, выйдя из-за полога в красной ситцевой рубашке и чистых штанах, присел к столу, видимо довольный, что находится дома, в этой уютной, чисто прибранной комнате, и что жена побаловала его и колбасой и ситником. И всегда так она его балует, когда он к вечеру возвращается домой. Заботливая.

Он закусывал молча и, когда они стали пить чай, сообщил ей о том, как сегодня старший офицер на бриге бесновался, полоумный, и выпорол пять человек.

— А ты, Груня, стирала?

— А то как же? Целый день стирала.

И, помолчав, прибавила:

— Давече утром, как несла белье, этот ваш генерал-арестант в переулке пристал...

— Ишь подлая собака! — зло проговорил Григорий, и довольное выражение мигом исчезло с его лица. Он нахмурился. — Что ж он говорил тебе?

— Звал к себе жить... Ты, говорит, одному мне стирать станешь белье. Судьбу нашу с тобой обещаю устроить... Останешься, говорит, довольна...

— А ты что? — нетерпеливо перебил Григорий, бросая строгий и пытливый взгляд на жену.

— Известно что! — сердито ответила Аграфена, видимо обиженная и этим вопросом и подозрительным взглядом мужа. — Небось так отчекрыжила старого дьявола, что будет помнить!

И она подробно рассказала, как “отчекрыжила”.

— Ай да молодца, Груня! Так ему и надо, подлецу! И тиранство ему вспомнило?... И старым псом назвала? Ну и смелая же ты у меня матроска! — весело и радостно говорил Григорий.

Его лицо прояснилось. Большие голубые глаза любовно и виновато остановились на Груне.

Но прошло минут пять, и он снова нахмурился и спросил:

— А прощальжника ветрела сегодня?

— Какого такого прощальжника? — в свою очередь спросила Аграфена, поднимая на мужа холодный, усталый взгляд.

— Будто не знаешь? — продолжал матрос.

— Ты говори толком, коли хочешь человека нудить.

— Кажется, толком сказываю... Писаренок паскудный не услеживал тебя?

— А почему я знаю?... Не видала я твоего писаренка... Отвяжись ты с ним. Чего пристал!

Раздражительный тон жены и, главное, этот равнодушно-холодный взгляд, который она кинула, заставил Григория почувствовать еще более мучительное жало внезапно охватившей его ревности.

И он значительно проговорил, отчеканивая слова:

— Я этому писаренку ноги обломаю, ежели он будет шататься около дома... Вчерась иду домой, а он тут, как бродяга какой, шляется... Как заприметил меня, так и фукнул... А то морду его бабью своротил бы на сторону... И беспреречно сворочу... Слышишь?

— Не глуха, слышу.

— То-то...

— Да ты чего зудишь-то? И все-то в тебе подлые мысли насчет жены... Постыдился бы... Кажется, я по совести живу... Ничего дурного не делаю... Веду себя честно, а ты ровно полоумный накидываешься... А еще говоришь: любишь. Разве такая любовь, чтобы человека мучить?

Григорий сознавал правоту этих горячих упреков. Он знал, что жена безупречна, и все-таки временами не мог отделаться от подозрительной ревности. Беспредельно любивший жену, он чувствовал, что она не так любит его, как любит ее он, чувствовал это и в ее постоянно ровном обращении и в сдержанности ее ласк, и это-то и питало его ревнивые чувства, несмотря на безукоризненное поведение жены.

Ему стало стыдно за то, что он безвинно обидел Груню, и он сказал:

— Ну, ну, не сердись, Груня... Я ведь так, шутю... Я знаю, что ты правильная жена.

И, словно бы стыдясь обнаружить перед ней всю силу своей ревнивой и страстной любви, он принял умышленно равнодушный и властный вид хозяина и примолк.

— Однако и спать пора. Завтра до свету вставать! — проговорил он, окончив чаепитие. — Спасибо, что накормила и напоила... Идем, что ли, Груня? — ласково прибавил он, вставая из-за стола.

— Ступай спи, а мне еще убираться надо.

— Уберись и приходи... Нечего-то полуночничать!

Матрос пошел спать, а матроска словно бы нарочно долго убиралась с посудой.

— Ты что ж это, Груня? Долго будешь убираться? Иди спать, коли муж приказывает. Мужа слушаться надо! — раздался нетерпеливый голос Григория.

— Иду, ну тебя!

Молодая женщина с равнодушным, усталым и покорным выражением на своем красивом лице, потушив лампу, тихо скрылась за пологом.

Скоро в полутьме комнаты, чуть-чуть освещенной мерцанием лампы перед образами, раздался громкий храп матроса.